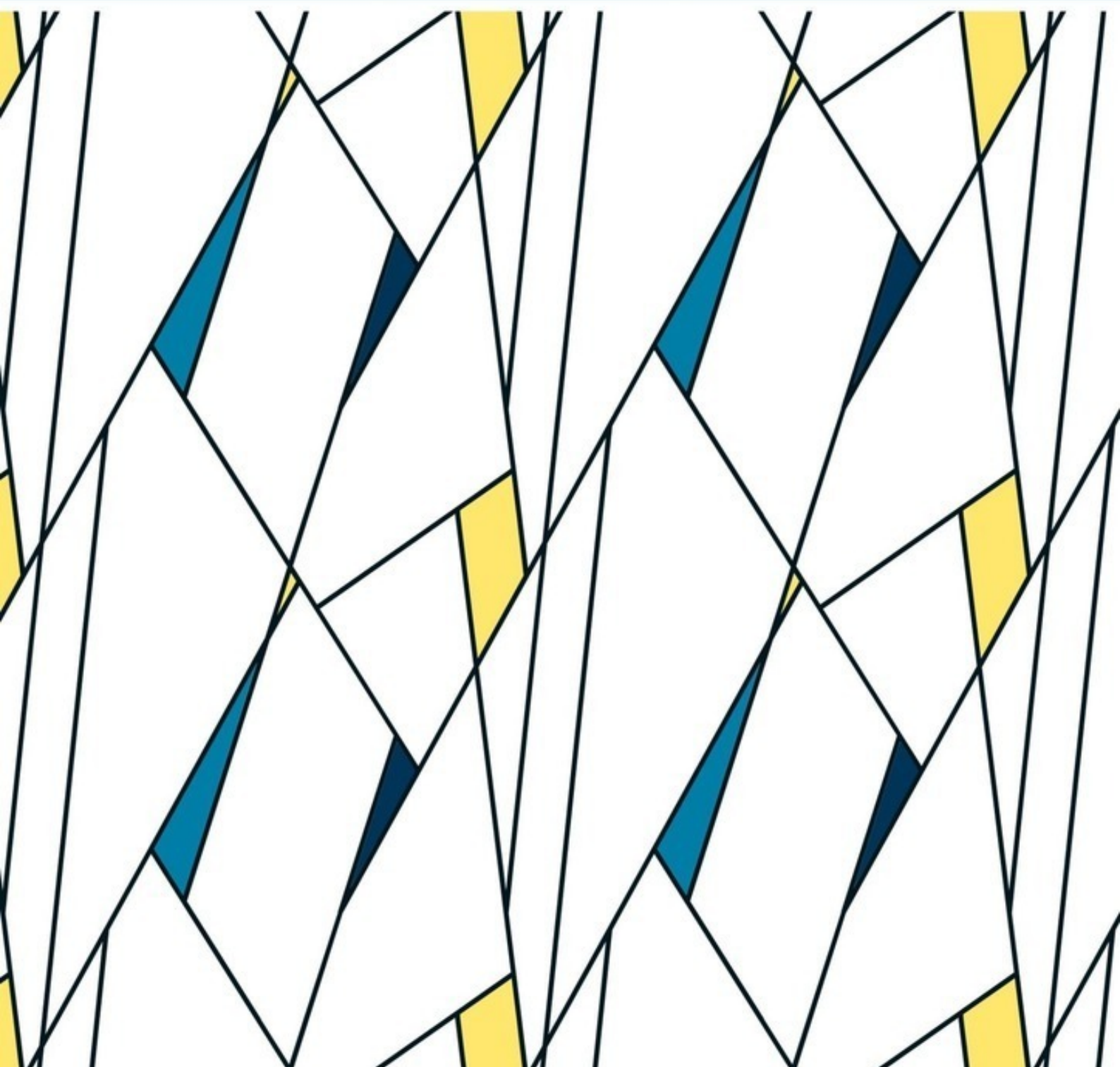

ВСЕВОЛОД БЕЛЯЕВ

Когда осядет пыль

Всеволод Беляев
Когда осядет пыль

«Издательские решения»

Беляев В.

Когда осядет пыль / В. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506466-0

Герой повести — подросток, который в поисках лучшей жизни убегает с Земли. Однако находит он совсем не то, что искал. События, участником которых он становится, похожи на страшный сон, а люди вокруг оказываются совсем не такими, какими хотят казаться вначале. Всё, от чего он пытался убежать, снова окружает его. Кажется, что выхода нет, что ему остаётся только смириться и вернуться назад...

ISBN 978-5-00-506466-0

© Беляев В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Когда осядет пыль

Всеволод Беляев

© Всеволод Беляев, 2024

ISBN 978-5-0050-6466-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Надо было поторапливаться. Ну где эта обезьяна?! Господи, и зачем я её таскаю с собой? Я позвал:

– Марта! Ма, иди ко мне!

Наконец, она выползла откуда-то из-под кровати. В пыли, потёртая, с перебитой лапой. Хромая, она доковыляла до меня и остановилась, ткнувшись в мои ноги. Тоже мне, талисман счастья!

– Что ты там делала? – возмущённо спросил я.

Она стояла и не шевелилась. В прошлом году она ещё могла взобраться мне на плечо. Теперь уже не может.

– Где ты насобирала столько пыли? – спросил я.

А потом подумал: «Интересно, откуда здесь вообще пыль?» Подумал и посмотрел в иллюминатор. По краям мерцали бледные звёзды, а в центре была абсолютная чернота. Дальнобойщики говорили, что это облако космической пыли, за которым открывается звёздное скопление необыкновенной красоты. А ещё они говорили, что облако пыли должно вот-вот разойтись, и тогда звёзды станут видны прямо отсюда, со станции. И я всё ждал этого момента. А он всё не наступал.

В дверь каюты постучали. Я раздражённо отпихнул ногой обезьяну, шагнул к двери и открыл. За дверью стоял начальник станции.

– Собираешься? – спросил он.

– Пытаюсь, – ответил я.

– Успеешь, – сказал он. – Там, на мостике, тебя ждут двое. Проинструктируешь их и познакомишь со станцией. Всё расскажешь, всё покажешь. Объяснишь правила поведения...

– Но Сергей Васильевич, дорогой...

– Ничего-ничего, всё успеешь. И поедешь себе отдыхать! Сейчас, знаешь, все загружены, а до тени ещё далеко. Давай, они тебя ждут.

Он повернулся и ушёл. Чёрт знает что! Я посмотрел на Марту, посмотрел на разбросанные вещи. Появилось желание пнуть всё это посильнее. Но я сдержался, перешагнул через порог и направился на мостик.

Это были курсанты. Практиканты, будь они неладны! Оба в форме. Парень и девушка. Парень какой-то несолидный. Небольшого роста, волосы взъерошены. Хотя я, когда учился, тоже в рамки не вписывался. Удивительно, что меня вообще тогда взяли...

– Курсант Руднев в ваше распоряжение прибыл, – бойко отрапортовал парень.

Больно он мне нужен, распоряжаться им! Я повернулся к девушке. Ну а эту как сюда занесло?

– Курсант Старостина... – начала было девушка, но я жестом остановил её.

Время качнулось, и две его волны на какой-то миг слились в одну, а потом снова разошлись. В каюте меня ждала старая Марта. И здесь эта девушка... Тоненькая, хрупкая, большеглазая... Совсем как та. Время совершило круг. Всё повторилось. Снова станция карантина, снова стажёры, снова я. Только уже не такой, как прежде. И где-то там, за облаком пыли – мир, полный звёзд. И снова промелькнуло чувство свободы...

Я опять посмотрел на девушку. Да, совсем как та! И мне стало так жаль прожитых лет, словно все они, до последней секунды, прошли даром! А я так и остался здесь, на станции, и ничего не смог сделать, и ничего не совершил...

– Как вас зовут? – спросил я. – Только без фамилий.

– Константин, – представился парень. – Костик.

– А меня – Антонина. Тоня, – сказала девушка.

А ту, как звали ту?.. Я не мог вспомнить.

– А меня, по странному стечению обстоятельств, зовут Сан Саныч, – сказал я.

– А почему «по странному»? – живо поинтересовался Костик.

– Пойдёмте, я познакомлю вас со станцией, – отозвался я.

А, в общем, неплохими они оказались ребятами. Моё раздражение быстро прошло. Я в кои-то веки нашёл благодарных слушателей и разговорился. Мы здесь за время вахты до чёртиков успеваем надоесть друг другу. Уже знаешь каждого как облупленного. Все его истории, все шутки и анекдоты наизусть знаешь. А тут – свежие слушатели! И я увлёкся, показывая им станцию:

– Вот тут у нас кают-компания. То есть место, где все собираются, проводят свой досуг. Мы здесь, знаете, называем всё так, как называли раньше на морских судах. Удобно. И у тех кораблей, и у этих – те же по назначению помещения, те же части корабля. Нос – это нос, корма – это корма или хвост корабля. А здесь кают-компания. Странно было бы называть её гостиной!

Если случаются какие-нибудь праздники или у кого-нибудь день рождения, мы здесь всё это отмечаем. Бывает весело... И вообще, стараемся проводить здесь своё время, общаться. А если кому-то хочется побыть одному – никто не неволит. Всегда можно забиться в свою каюту, закрыться там и никого не видеть. Или пойти в парк, залезть под куст погуше и сидеть там. Кстати, там есть проход в пятое измерение. Очень хорошо сделан. Идёшь и не замечаешь, на станции ты ещё или уже нет. Рекомендую!.. Так, а то место, где мы с вами встретились – это мостик. Там наш главный компьютер, туда приходит вся необходимая информация, оттуда осуществляется управление станцией и связь с другими кораблями. Ну, у нас-то станция немного манёвров совершает, поэтому у нас на мостике в основном диспетчерский пункт и управление системами жизнеобеспечения.

– А зачем отдельно управлять жизнеобеспечением? – спросила Антонина.

– А как же?! Ведь тут, на станции, люди месяцами живут! Вот и приходится создавать все условия. А когда-то все думали, что если воздух есть, то этого достаточно. Но нет, оказалось недостаточно. Вот мы сотни лет боролись с силой тяжести. А когда наконец победили её, то обнаружили, что у нас появилась ещё одна забота: как-то создавать эту силу самим. И делать это везде, где мы хотим пользоваться её отсутствием. Иначе привычный мир разлетается в разные стороны и отказывается нам служить. Наши собственные тела утрачивают силу, ловкость и здоровье. Ум теряет остроту, кости – кальций, кровь – красные кровяные тельца. Жизнь без силы тяжести быстро превращается в страдание.

Вы же помните историю? Первые исследователи, успокоенные победой над космической радиацией, так и не смогли вернуться обратно на Землю. Их обессиленные, почти испарившиеся от невесомости тела запросто пожирала бактерии, даже те, которые прежде и не пытались этого делать.

Но это не всё! Мы настолько капризны, что требуем точного, тончайшего соблюдения всех исходных условий: радиация не может быть выше нормы, но она не может быть и ниже! И даже такие заурядные параметры, как давление, влажность, температура, должны не просто соответствовать определённым величинам. Они должны колебаться определённым образом.

Вы видели когда-нибудь переселенцев из дальних колоний? У них там такие мутации бывают, что просто волосы встают дыбом! А пираты? Этим вообще терять нечего. Живут, где и как придётся. Ну, с ними-то вы, наверное, ещё не встречались...

– А вы встречались? – спросил любопытный Костик.

Я остановился, вспоминая. Да, встречался, конечно. На этой станции чего только не увидишь! Но тогда, в первый раз... Как его звали? Какое-то странное, но запоминающееся имя... Да, точно, как же я мог забыть?! Дад Зогга, вот как его звали!

Ребята восприняли эту заминку по-своему. Они решили, что я вспомнил какую-то жуткую историю, связанную с пиратами, и заинтересованно на меня смотрели. Но я решил, что байки про пиратов оставлю на потом, и продолжал:

– А вот дальнбойщиков вы наверняка видели. Своеобразные ребята, правда? Я всегда удивлялся: как у них крыша не едет при такой работе?! Туда мимо нас идут, так нос задирают – не подступишься! Крутые, куда там! А обратно – с каждым готовы побрататься, говорить могут часами без остановки. То обниматься лезут от избытка чувств, то обижаются не пойми на что и с кулаками на тебя набрасываются! Им всё равно, лишь бы к живым людям поближе. Ещё бы, столько времени в одиночестве! А рассказать они много интересного могут. И полезного. А иногда и наврут с три короба. Да, среди них много любителей поврать имеется! С голодухи-то по человеческому вниманию на что не пойдёшь, чтобы тебя слушали!

Но пока они у нас карантин проходят, почти нормальными людьми становятся. Вести себя начинают прилично, врут меньше. Уже не страшно их на Землю отпускать.

– Почему же они всегда по одному ходят? – спросил Костик. – Ходили бы по двое или по трое.

– Дорого, – ответил я. – Компании экономят. Жизнеобеспечение – одна из самых дорогих вещей на корабле. Куда проще отправить корабль-автомат, но не всегда это возможно. Не всегда можно заменить живого человека. К тому же что один, что двое, что трое, – невелика разница. Одному-то даже лучше. Если людям в замкнутом пространстве столько времени деться друг от друга некуда, они начинают раздражать, а то и ненавидеть друг друга. Сколько случаев было: улетают вдвоём, а прилетает один. Или вообще пустой корабль на карантине ловить приходится. И куда все делись – одному Богу известно! Или так: повздорят, и один другого хлопнет. Хлопнет, помается пару недель от одиночества, угрызений совести и предчувствия трибунала, да и сам на себя руки наложит. Приходит корабль, а там два трупa: один замороженный, в холодильнике, а другой разложившийся.

– Какой ужас! – сказала Антонина, ещё шире раскрывая свои и без того огромные глаза.

– Один-то когда едет, его инстинкты хранят, – продолжал я, наслаждаясь произведённым эффектом. – Самого себя, без помощников, сложнее убить. Тут главное – самокопанием не заниматься. Главное – занять себя чем-нибудь, какими-нибудь делами.

– Чем же столько времени можно себя занимать? – спросила Тоня.

– А я знаю, – сказал Костик. – Они в пятое измерение уходят и там живут. На кораблях для этого специальные капсулы есть. Они туда залезают и могут заниматься чем угодно: и в футбол играть, и на машине ездить, и с какими-нибудь монстрами сражаться. Или тренироваться. Эх, вот бы мне такую капсулу!

– Так ты для этого сюда попал? – спросил я с усмешкой. – Да, это, конечно, тоже. В капсуле, в подвеске, они много времени проводят. Это позволяет поддерживать себя в форме. Компьютер создаёт вокруг целый мир, и поначалу можно даже забыть, где ты находишься. Но очень скоро становится видна разница между настоящим миром и компьютерным. Понимаешь, что всё вокруг фальшивое. Не хватает, главным образом, тактильных ощущений. Нельзя потрогать всё, что хочешь. Устроишь себе какую-нибудь прогулку, скажем, по морскому побережью. Вокруг простор, ветер дует в лицо, ногами так работаешь, что устаёшь. Но чувствуешь: всё ненастоящее. Ветер всегда одинаковый, ровный. Песок под ногами скрипит всегда одинаково. Фальшиво скрипит. И никогда не сможешь его потрогать. Не присядешь, не загребёшь его в руку, не просеешь через пальцы... Потому что его нет. Только картинка. И это такую тоску навеивает, такую вызывает ностальгию, что уж лучше бы ничего этого не было вовсе!

Поэтому они очень скоро бросают все эти компьютерные игрушки. А вместо этого сидят в своём кресле и медитируют. Что-то представляют, что-то вспоминают, закрыв глаза. Потому что наши собственные мозги в тысячу раз лучше любых компьютерных. Можно что угодно вообразить: можно картины рисовать, можно музыку сочинять. И это будут настоящие картины

и настоящая музыка, а не фальшивая компьютерная подделка. Только это будут ещё ненарисованные картины и ещё ненаписанная музыка.

Костик засмеялся.

– Зря смеёшься, – сказал я ему. – Настоящим будет что-то или фальшивым, определяется ещё там, – я показал себе на голову. – А уж воплотить это в жизнь – дело техники. И, кстати, любой дальноточник очень тонко чувствует фальшь и неправду. Потому-то они с таким трудом после возвращения привыкают жить в обществе. Слишком много у нас фальши. А они всё это чувствуют, их это не то чтобы раздражает, их это просто бесит! И поэтому они всегда рвутся обратно в космос.

Я прервал поток своего красноречия, опять подошёл к иллюминатору и посмотрел туда, где в обрамлении бледных звёзд чернело облако пыли. Чем дальше я рассказывал, тем сильнее чувствовал, что всё то, о чём я говорю – неважно. Есть что-то более важное. Что-то настоящее, что всё время ускользает от моего понимания.

Я повернулся к стажёрам. Да, этот парень не в пример тому. Тот был статный, знающий себе цену. Накачанный, высокий, с короткой стрижкой...

Курсанты вопросительно смотрели на меня.

– А знаете, – сказал я. – Пойдёмте, я вас чаем угощу. Настоящим! Отметим окончание моей вахты. И ваше прибытие! Собраться я, наверное, уже не успею, так хоть чайку попьём! У нас здесь организация полувоенная, всё по расписанию. Ужин ещё нескоро. Идёмте!

И я увлёк их по коридору в сторону своей каюты.

Марта стояла неподвижно на прежнем месте. Мне вдруг стало её жаль. Я нагнулся, поднял её, отряхнул и бережно усадил на свою кровать. Сгрёб в кучу вещи, освобождая место для гостей. Достал термос.

– Вы уж извините, я как раз собирался.

– А это что? – Антонина указала на Марту.

– А это мой талисман счастья, – сказал я.

Я налил всем чай, достал печенье и шоколад.

– Ешьте! Мало у кого здесь такое есть. Теперь лакомиться будете нескоро, только когда домой вернётесь!.. Н-да! Странно, что мы с вами здесь встретились!

– Почему? – спросил Костик, скромно, но с явным удовольствием отправляя в рот шоколадку.

– Меня самого здесь не было бы, если бы не одна история, которая произошла много лет назад.

– Что за история? – поинтересовалась Антонина.

– Там была девушка, очень похожая на тебя. Она тоже была стажёром... И вы спрашивали, встречался ли я когда-нибудь с пиратами? Так вот да, там был один пират.

– Всего один? – спросил Костик.

– Знаешь, этого оказалось достаточно, – ответил я. – Как странно устроен мир! Если бы не этот пират, мы бы с вами здесь не познакомились!

Ребята оторвались от угощения и приготовились слушать.

– Ешьте, ешьте. И пейте, чай в термосе ещё есть... Это такая история... Она изменила всю мою жизнь! Теперь даже не верится, что это всё когда-то произошло со мной!.. Или продолжает происходить? Не пойму. Такое чувство, что всё вернулось на круг... Нет, здесь надо обо всём по порядку. Ну слушайте!

Глава 2

«Вначале было слово, и слово было с Богом, и слово было Бог». Это я к тому, что любая история не имеет определённого начала. И, видимо, не имеет конца.

Вот, например, в детстве мне снились кошмары. «Ну и что, – скажете вы, – сны снятся всем, ничего особенного в этом нет». Но мне снились именно кошмары. И кто бы мог подумать, что это сыграет потом такую роль?! Причём один и тот же кошмар повторялся много раз подряд. И я ничего не мог с этим поделать. И никто не мог. Мои родители стояли, побледнев и вжавшись в стенку, и смотрели, как я истошно ору, будто меня пытаются. Они меня пытались растолкать, разбудить, но ничего не получалось. А со мной что-то происходило, со мной делали что-то ужасное! Но это происходило там, в другом мире, и родители ничем не могли мне помочь.

Один из этих снов я и теперь хорошо помню. Помню, как на меня накатывала волна страха. Ещё ничего не происходило, а страх уже был. Даже не страх, а ожидание страха. Там, в моём сне, мама и папа были рядом, сидели со мной на диване. Когда появлялся страх, я старался придвинуться к ним поближе. Но это не спасало. Страх заполнял пространство вокруг. А когда я пытался найти защиту у мамы, она вдруг медленно взлетала над диваном, поднималась всё выше, к самому потолку, проходила прямо сквозь него и исчезала.

В отчаянии, предчувствуя неизбежное, я пытался придвинуться поближе к папе, но с ним происходили подобные же превращения, он тоже поднимался над диваном, воспарял к потолку и исчезал в нём.

Тогда я пытался выбежать из комнаты и где-нибудь спрятаться, но всё было напрасно. Страх был всюду, и всюду меня поджидали какие-нибудь жуткие создания. Убежать и спрятаться было невозможно...

И этот сон, и другие повторялись много раз. Со временем я начал понимать, что сплю, и целенаправленно старался проснуться. Но сон не отпускал меня, а мои беззащитность и страх были самыми настоящими. Такой страх вряд ли кому-то доводится пережить в жизни.

Закончилось всё тогда, когда я перестал бегать от своих мучителей. Однажды, поняв, что страх везде и всё равно никуда от него не деться, я повернулся и пошёл навстречу своим кошмарам. И они растворились.

После этого, когда мне начинал сниться какой-нибудь страшный сон, я уже знал, что надо делать. Я сам начинал искать встречи с причиной моего страха. И постепенно мои страшные сны прекратились. К сожалению, вообще все сны на этом прекратились. С тех пор я перестал их видеть.

Однажды на день рождения бабушка подарила мне Марту. Папа в недоумении пожимал плечами: что это за игрушка для мальчика?! Но я Марту очень любил. Она делила со мной все радости и невзгоды моей жизни. Я её укладывал спать рядом с собой, пытался кормить, когда ел сам, всегда брал с собой на прогулку. И мне казалось, что она меня понимает, особенно в те моменты, когда больше никто не хотел меня понять. И утешает меня, и поддерживает, как может. За это я был ей очень благодарен и заботился о ней, как умел.

Когда я пошёл в школу, поддержка Марты мне особенно пригодилась. Друзей среди одноклассников у меня не было, зато многим нравилось надо мной насмехаться. Я не знал, в чём причина такого отношения ко мне, и не знал, что с этим делать. Драться я не умел и в ответ только замыкался в себе. А ещё мама, как будто специально, всегда называла меня Шурочкой. Ей так больше нравилось. И у меня были длинные, чуть вьющиеся волосы. Сначала я не понимал, почему многие ребята меня дразнят и называют девочкой. Потом стал догадываться. Но мама не хотела, чтобы у меня была короткая стрижка, и упорно продолжала при всех называть Шурочкой. И из-за этого я, конечно, натерпелся.

Слава богу, потом все к моему виду привыкли и немного успокоились. Я подрос, и мама всё чаще называла меня Шурик. Это мне тоже не очень нравилось, но всё-таки было лучше, чем Шурочка.

К этому времени я оказался в стороне от всех ребят. В общих играх и делах участия, по возможности, не принимал и вёл жизнь тихого троечника. Зато стал увлекаться космосом. И вообще, в душе был большим романтиком. И все мои романтические устремления были обращены к звёздам. Я мечтал стать Новым Магелланом, пройти всю Вселенную и доказать, что она замкнута. Наивно, конечно. С годами это проходит. В юности мы просто не представляем, каких трудов стоит даже небольшое открытие. А я мечтал о таком!

Зато со временем в космологии я стал настоящим знатоком. И пользовался всякой возможностью, чтобы узнать побольше. Я мог бы, наверное, заткнуть за пояс любого профессора. Но по-настоящему попасть в космос у меня шансов не было. Теперь я это хорошо понимаю.

Сейчас-то с этим стало проще. А тогда почти все космические специальности были военными. И получить их можно было, только закончив специальные военные училища или Военную Академию. И вот туда бы меня точно никто не взял.

В общем, будущее выглядело для меня неопределённым и бессмысленным. Да ещё родители начали ссориться. Вдруг, ни с того ни с сего, начинали предъявлять друг другу какие-то претензии, потом переходили на крик, потом у них доходило до оскорблений... Им становилось не до меня, и я спешил уйти из дома. Я не мог этого выносить. Я брал Марту, сажал её на спину, сверху прикрывал курткой и поскорее выходил за дверь.

Тогда была весна, и я мог часами безо всякой цели бродить по улицам. Мне было очень плохо, тоскливо и одиноко. Я считал, что никому не нужен. Только Марта была со мной и нежно обнимала меня лапками за шею. Время от времени я начинал обсуждать с ней свою невесёлую жизнь. Казалось, она всё понимает и разделяет все мои печали. Но ответить она мне, понятно, не могла.

Наступило лето. Мне оставался последний год в школе. На летние каникулы родители отправили меня в лагерь. Наверное, я мешал им выяснять отношения. Зная о моём увлечении космосом, они нашли какой-то «космический» лагерь. И хотя он так назывался, ничего космического в нём не было. Располагался он в здании обыкновенной школы, я учился в такой же. Из столовки там противно пахло тушёной капустой; нас всегда водили строем и никуда одних не выпускали. Было похоже не на детский лагерь, а на тюрьму. А из «космического» там были только лекции про космос. Правда, ещё обещали экскурсию на станцию «Луна-2», но я сильно сомневался, что эта экскурсия состоится. А жаль, ведь до этого я никуда с Земли не отлучался. Побывать на «Луне-2» было пределом моих мечтаний! Собственно, на виртуальной модели этой станции я бывал неоднократно. Можно даже сказать, что я неплохо её знал. Знал, как она устроена, знал, что там работает много людей. Смотрел, как грузятся огромные корабли и как они потом отправляются в открытый космос... Однако никакая, даже самая хорошая модель не может заменить оригинала. И я в глубине души надеялся, что с экскурсией нас не обманут.

Лекции, которые нам читали, были так себе. В большинстве случаев я сам мог бы рассказать куда больше. Когда лекторы допускали откровенные ляпы, я пытался их поправлять к их большому неудовольствию. А поскольку в остальное время я почти ни с кем не общался, все стали думать, что я зазнаюсь и строю из себя умного.

Когда в лагере поняли, что я не умею за себя постоять, то, конечно, сразу нашлись желающие воспользоваться этим. Какое это может доставлять удовольствие, до сих пор не понимаю?!

Была там одна парочка. Она была здоровая, жирная и неопрятная, а её дружок, наоборот, мелкий и с замашками уголовника. Вот они меня особенно доставали. У меня и так-то фамилия не слишком героическая: Курочкин. А когда они слышали, как мама называет меня Шурочкой, то сразу так развеселились! И стали дразнить: «Шурочка, Шурочка, ты петушок или курочка?» И ржали как дебилы. Я страшно обижался. Я наивно подумал, что меня драз-

нят из-за моей причёски. И стал убирать волосы в хвостик. Так эти двое ещё больше обрадовались. «Смотрите, – тыкали они в меня пальцами, – Шурочка косичку заплела!» Когда они поняли, что я ответить не могу, то вовсе обнаглели. А взрослые даже не пытались их сдерживать, а иногда смеялись вместе с ними. Тоже, кажется, думали, что я зазнаюсь, что меня надо проучить. В общем, жизнь в лагере стала для меня невыносимой. Удивительно, что я столько времени всё это терпел!

В один прекрасный день нам объявили, что мы отправляемся на «Луну-2». Как все обрадовались! А у меня спрашивали: «А ты что, недоволен, что ли?» И, фыркнув, отходили от меня. А я радовался, наверное, больше других, только не показывал. Я даже собрался раньше всех. Посадил на спину Марту, сверху надел куртку. И потом добрый час ждал.

Наконец, пришёл автобус. С шумом и криками все погрузились в него, и мы поехали в порт. Там нас встретили сотрудники козгвардии. Раньше я их вблизи никогда не видел. Какие же они все были огромные! В форме, в шлемах, в специальных жилетах, вооружённые до зубов! Это вам не какие-то обыкновенные полицейские! Это – гвардия, которая стоит на страже безопасности Земли! Глядя на них я понимал, что никакие террористы или пираты нам не страшны, потому что вряд ли кому-нибудь захочется связываться с этими гвардейцами. Даже трудно было представить, что кто-то может с ними тягаться.

Они проверили каждого из нас на наличие запрещённых предметов и веществ, а потом мы перешли в челнок, и я впервые в жизни покинул родную Землю!

Во время полёта все развлекались, как могли. Кто-то играл, кто-то смотрел фильмы. А я через иллюминатор провожал Землю. Смотрел, как она медленно удаляется, становится меньше... Я чувствовал, наверное, то же, что и великие исследователи прошлого, покидавшие Землю ради своих открытий. Впереди – неизведанное. Вернусь ли я назад, увижу ли снова родную планету, деревья, траву?..

Когда мы прибыли на станцию, началось самое интересное. Но меня дружно отёрли назад и намеренно старались всё от меня загоразживать. Говорили: «А зачем это тебе, ты же и так всё знаешь?!» Было обидно. Я пытался пробираться вперёд, когда вся группа останавливалась, и ведущий начинал о чём-то рассказывать, но меня грубо выпихивали обратно. Я чуть не плакал и представлял себе, как выхватываю из-за пояса бластер и начинаю палить в эту толпу. И все разбегаются, прячутся от меня и молят о пощаде...

Картины мести были слабым утешением. Ведь в этот самый момент всё то, что я ценил больше всего в жизни, всё то, на что были нацелены мои самые сокровенные мечты, проходило мимо меня.

Когда мы подошли к погрузочным площадкам, там велась погрузка сразу нескольких больших кораблей. Я подумал: «Вот бы прямо сейчас на таком корабле взять и отправиться к звёздам, подальше от всех этих идиотов, подальше от этой жизни!»

Экскурсовод остановился. Все, сгрудившись, слушали его. Я мялся за спинами других ребят и ничего не слышал. Я уже не пытался подойти ближе. Рядом со мной в ожидании погрузки стояли какие-то тюки. Я подошёл к ним, посмотрел. Что это было – не знаю, но тюки были мягкие. Я оглянулся: на меня никто не обращал внимания, все слушали экскурсовода. И тогда меня будто что-то подтолкнуло. Я сделал вид, что изучаю груз и обошёл его. Посмотрел на всех. До меня по-прежнему никому не было дела. Тогда я быстро пригнулся и спрятался за тюками. «Ну вот, – думал я, – слушайте сами свою экскурсию. Вы мне тоже не нужны! Мне и здесь хорошо. Я без вас ещё больше узнаю и увижу. Ещё будете мне завидовать!»

Потом я испугался: только бы не спохватились и не начали сейчас искать! Сердце моё заколотилось. Я почувствовал спиной промежуток между тюками и попытался втиснуться туда. Места было мало и у меня никак это не получалось. Упёршись что было сил ногами в пол, я вдавил своё тело в узкую щель. Но мои ноги оставались снаружи. Чёрт, вот дурацкое положение! Если меня сейчас увидят, это будет настоящий позор, хуже всего того, что было раньше.

Я судорожно, из последних сил раздвигал вокруг себя мягкие свёртки. Было темно и жарко, от тюков шёл неприятный химический запах. Наконец я распахал вокруг себя груз и организовал что-то наподобие норы, в которую смог уместиться весь. Я подтянул к себе ноги, чтобы их нельзя было разглядеть снаружи, и затих. Пот лился с меня градом, было жарко и душно. Я старался дышать как можно тише, но у меня это плохо получалось, и сердце стучало предательски громко. «Что сейчас будет?! – думал я. – Что, если меня сейчас здесь найдут?! Какой будет стыд, какой мне устроят разнос в лагере! А ребята, наверное, вовсе устроят «тёмную»!

Я не знал, спохватились старшие в нашей группе или нет, уже ищут меня или пока ещё не ищут. Вокруг было темно и тихо. Доносились только приглушённые звуки с погрузочных площадок. Я немного успокоился и отдышался. И стал думать о том, что это я сейчас такое сделал, и что может произойти потом. И чем дальше я об этом думал, тем отчётливее понимал, что ничего хорошего потом не произойдёт. Ни при каких обстоятельствах. И самое лучшее для меня – это тихонько отсюда вылезти, так, чтобы никто не заметил, а потом догнать своих, тоже, по возможности, незаметно. Слава богу, вокруг было тихо и ничего не происходило. Я почти успокоился. Вздохнул и уже собрался вылезать, как услышал снаружи шум и голоса. «Вот чёрт, всё-таки ищут!» – в смятении подумал я. И тут же почувствовал как меня вместе с тюками поднимают и куда-то везут. Сердце опять бешено забилося. Я сжался, а в моей голове стремительно проносились бессвязные мысли. Пару раз тряхнуло, тюки сдвинулись, и меня придавило. Потом движение и тряска прекратились, шум стих. Я лежал, зажатый грузом, ни жив ни мёртв. Было тихо и темно. Осторожно я вновь распахал тюки. Дышать стало полегче, но абсолютно ничего не было видно. Я испытывал ужас наполовину с восторгом. «Неужели это оно, неужели меня погрузили на какой-то корабль? Что же теперь будет? Что же теперь делать? Что я наделал?!» – что-то такое проносилось у меня в голове. А спустя некоторое время я почувствовал движение и понял, что корабль отвалил от пирса.

Мой страх постепенно уходил и я думал: «Да, я всё-таки сделал это! Нате вам, получите! Ищите меня уже, наверное? Ну ищите, ищите! Теперь не найдёте! Я вас чем-то не устраивал? Ну теперь вас, наверное, всё устраивает!..»

Вибрация и гул усилились, я чувствовал перегрузку и с восторгом, смешанным со страхом, понимал, что корабль уходит всё дальше. Среди тюков мне стало душно и я выбрался наружу. Вокруг было совершенно темно, я руками ощупал пространство вокруг. Со всех сторон были какие-то мешки и коробки, и места между ними практически не было. Я устроился на выходе из своей норы и, закрыв за ненадобностью глаза, попытался представить дальнейшее развитие событий, попытался понять, что мне теперь нужно делать. «Раз уж так получилось, – думал я, – нужно постараться улететь как можно дальше. Чем дальше – тем круче. Тогда будет чем похвастаться! А для этого нужно как можно дольше просидеть здесь и не высовываться, затаиться. А уж там – будь что будет!»

Однако постепенно мой боевой задор проходил. Груз источал неприятный запах, и мне стало нехорошо. Я подумал о родителях. Маму было жалко. Каково ей будет, когда она узнает, что я пропал? Ну ничего, зато теперь у них появится достаточно времени, чтобы выяснять отношения, теперь им никто не будет мешать!

У меня кружилась голова. Я сидел, тяжело дышал и думал о том, как трудно приходится пилотам на таких кораблях. А я даже не догадывался об этом! Потом волной накатила тошнота и меня вырвало. Но это не принесло облегчения. Было чувство, что меня вот-вот вывернет наизнанку. Противно пахли тюки, всё вокруг отвратительно вибрировало. Я пытался хоть что-нибудь разглядеть в крошечной темноте, и от этого мои глаза просто лезли из орбит.

И тут ужас охватил меня всего, с ног до головы. Меня как будто облили ведром холодной воды. Я вспомнил! Ведь из трюмов грузовых кораблей после их отправления откачивают воздух! Если, конечно, не везут что-нибудь «живое». Как я мог про это забыть?! Куда мне теперь бежать, что делать? Я попался!! Животный, панический страх овладел мной. Я рванулся впе-

рѐд, туда, где, как я помнил, в кораблях была переборка между грузовым и жилым отсеками. Руки дрожали от слабости, колени тряслись. Я с трудом протискивался между коробками и тюками. Мне не хватало воздуха, я задыхался. Промежутки между коробками становились всё меньше, и я в конце концов застрял. Я понял: я погибаю! Из последних сил я рванулся вверх и влез на коробки. Там я тоже мог только лежать, потому что сразу над коробками был потолок. Я почувствовал очередной приступ тошноты, свесил вниз голову и меня опять вырвало. И это, казалось, отняло у меня последние силы. Я лежал на коробках, со свистом дышал и плакал. Что я наделал?! Мысленно я простался с родителями, простался с жизнью.

Всѐ-таки мне удалось собраться с силами, и я опять пополз вперед. Мне казалось, что это продолжалось вечно. В какой-то момент я, кажется, потерял сознание, но быстро очнулся. Что-то подтолкнуло меня изнутри. Вокруг была крошечная тьма, только кровавые круги плыли у меня перед глазами. В ушах звенело. Из последних сил я пополз ещё вперед и, наконец, уткнулся в переборку. Где-то здесь должен был быть переход в жилой отсек, но найти его я уже был не в состоянии. Я попытался стучать кулаком в переборку. Бесполезно! Сломать её я, конечно, не смог бы никогда. Но вот стучать так, чтобы слышали... Но сил на это у меня не было. Тогда я достал из кармана куртки ключ и стал стучать металлической частью ключа по металлическому ребру стенки. Получалось довольно звонко. Я нащупал в кармане школьный форменный значок, вытащил из-под куртки Марту, посадил её на коробки рядом с собой и дал ей этот значок. Какое-то время мы вместе с Мартой цокали по переборке: она значком, я ключом. А потом мне стало совсем плохо. Судороги прошли по моему телу, я выронил куда-то в темноту ключ, и моя рука безвольно свесилась вниз. Мне было уже всё равно. Стучать больше я не мог, только горькие слѐзы катились у меня из глаз. Я понимал, что умираю. А Марта исправно чередовала три быстрых удара и три медленных. Под этот звук я опять потерял сознание.

Глава 3

Эх, знал ли я тогда, куда так хотел попасть?! Там, в глубоком космосе, куда меня так неудержимо влекла романтика и ожидание какой-то другой жизни, там было пусто. Не было там ничего живого. Только то, что принесли туда сами же люди, то, что так или иначе связано с нами самими. А значит, те же самые отношения, те же самые проблемы...

Вот бывает, обнаружат какую-нибудь планету и начинают кричать: «Жизнь, мы нашли жизнь в космосе, это живая планета!» А посмотришь на неё: чего там живого? Какие-то бактерии чахнут в ядовитой атмосфере, да кое-где проступает на камнях плесень. И всё. Пустыня пустыней. Да любая земная пустыня выглядит цветущим садом по сравнению с этим! А мы тут же собираем экспедицию, тратим огромные деньги и мчимся осваивать эту планету, заселять её, что-то там сажать и кого-то там разводить. И забываем, что наша собственная Земля по сравнению со всеми этими «живыми» планетами – настоящее чудо, настоящий рай, где не надо прилагать никаких дополнительных усилий, где всё растёт и цветёт само. А мы не ценим этого.

Люди, которые отваживаются заселять такие планеты, сами преобразуются до неузнаваемости. Чуждая человеческой природе среда, чуждые условия очень быстро меняют их. Проходит два-три поколения, и от человеческого облика почти ничего не остаётся.

Таков был Дад Зогга. Он имел почти круглое тело и короткие, но мощные руки и ноги. Сила, которая была заключена в его теле, была невероятна. Голова его сидела, казалось, прямо на плечах, безо всякой шеи. Волос на ней не было, и вся она была покрыта складками кожи и буграми мышц, так что трудно было угадать, где именно на ней находятся нос, уши, подбородок, где в этих складках прячется рот. Только маленькие глаза были видны сразу, потому что смотрели остро и пронизательно, но располагались при этом странно, несимметрично, один глаз был выше другого. Кожа Дады имела зеленоватый оттенок, лоснилась и неприятно пахла.

Дад Зогга плохо помнил своих родителей. Помнил, что они были очень красивыми людьми. Ещё помнил, что они почему-то много болели. И много молились. Сам Дада был крепшом и почти не болел. Но его родители всегда с жалостью смотрели на него.

Только позже он стал понимать, что некрасив. Да что там некрасив, просто уродлив! И он был такой не один. Многие из его сверстников, из тех, кто был покрепче, были такими же, как Дад Зогга. Дада пытался спрашивать своих родителей, почему он не такой, как они, но всегда оставался без ответа.

А потом Бог, которому все молились, стал требовать жертвоприношений. Дада не знал, зачем Богу жертвы. Но когда Бог их получал, жизнь в небольшой колонии становилась лучше. Все становились добрее, а еда вкуснее и сытнее. Даде нравился чуть сладковатый вкус мяса из жертвенного котла. А потом пища опять становилась скудной, а молитвы делались всё более истовыми. И, словно услышав их, Бог опять посылал колонистам неверных, которых следовало принести в жертву. Поселение колонистов, и без того небольшое, в ту пору таяло на глазах.

А потом Бог послал поселенцам корабль. Это был знак. Теперь им надлежало выяснить, чтят ли Господа в космосе. Выяснилось, что нет. Дада узнал, что в мире полно нечестивых, которые не любят Бога. И где-то далеко есть Земля Обетованная, прародина всех поселенцев. И сейчас она по какой-то непостижимой, невероятной ошибке заселена одними неверными. Дада понял, что у него и у его товарищей будет много работы на этом свете.

Со временем взрослые стали брать Даду с собой. И хотя поселение находилось в стороне от оживлённых путей, Господь неизменно посылал колонистам какой-нибудь корабль, полный иноверцев. Неразумные, они упорствовали и не хотели обращаться в веру истинную. И, один за другим, шли на алтарь заклания. А всё их имущество и корабль с грузом переправлялись в поселение на благо его жителей.

Постепенно дела у колонистов пошли лучше, жизнь стала сытнее. Даже болеть они стали меньше. Тем истовее молились они своему Богу за то, что ведёт их по правильному пути.

Дад Зогга вырос и сам стал водить корабли. И мечтал, что когда-нибудь доберётся до Земли Обетованной и узнает, почему Господь отдал её нечестивцам. И, может быть, вернёт Землю своему Богу! А если нет, то уничтожит её вместе с неверными! Может быть, для этого великого подвига он, Дад Зогга, и явился на свет?! Может быть, в этом и есть его предназначение, есть смысл его существования?..

Всё лучше постигал Дада своё ремесло. Быть миссионером, нести свет и веру и карать нечестивых было непросто. Часто они оказывали упорное сопротивление и не хотели поклоняться Господу. Но Дада не унывал. Он собрал вокруг себя команду соратников, и с каждым разом уходил всё дальше от родной колонии, всё ближе к оживлённым путям и к Земле. Он был уже близок к тому, чтобы осуществить свою мечту, чтобы выполнить своё предназначение. Но тут случилось непредвиденное. Дада влюбился.

От своих родителей Дада унаследовал способность горячо любить, заботиться о своих близких, быть нежным и преданным. Однако эта способность проявилась в самый неожиданный момент, и она сильно поколебала уверенность Дады. Он стал понимать, что жизнь гораздо сложнее, чем он думал прежде, и для того, чтобы её сохранить, недостаточно только карать неверных. Но для чего Господь всё это придумал? Для чего он создал жизнь? Промысел Божий Дада понять не мог, но уже не так сильно стремился совершать свои подвиги во славу Божью и всё больше думал о том, как бы обеспечить поселение всем необходимым и как бы лучше обустроить там жизнь. Теперь раз от раза его экспедиции становились менее продолжительными и менее рискованными.

Однажды он пригнал в колонию целый корабль с живыми растениями. Растения радостно зеленели, цвели и пахли. Но были совершенно нежизнеспособны. Колонисты пытались выращивать их в своём угрюмом мире, но у них ничего не получалось. Растения соглашались хоть как-то существовать только в контейнерах, в которых их привезли. Пришлось потратить много сил и времени, чтобы научиться создавать подходящие для них условия. За это время почти все растения погибли, однако несколько самых жизнестойких видов удалось сохранить. Колонисты стали разводить их в специальных укрытиях и вскоре начали получать небольшой урожай.

И хотя соратники Дады не понимали его и считали, что он впустую тратит время, Дада продолжал свои эксперименты. Он упорно учился сохранять и преумножать жизнь, а не только отбирать её.

Однажды ему посчастливилось раздобыть домашних животных. Он привёз их в свою колонию и радостно всем показывал. Новых впечатлений у колонистов было – хоть отбавляй! Но потом выяснилось, что с животными всё ещё гораздо сложнее, чем с растениями. Мало того, что они не хотели жить в мире Дады, так они ещё всё время просили есть и пить! Они были капризны, требовали к себе постоянного внимания и противно блеяли.

Дада набрался терпения. Он теперь понимал, что для благополучного существования ему надо научиться ладить с этими капризными созданиями, научиться понимать их и – о Господи! – может быть даже полюбить их!

Собственная жизнь Дады шла своим чередом, и вскоре у него появилась семья. Его дети были ещё более круглыми и ещё более зелёными, чем он сам. Дада теперь стал понимать своих родителей. Он видел, насколько уродливы его дети даже по сравнению с ним, но сказать он им этого не мог, потому что любил их всей душой. К тому же он догадывался, что их уродство – залог их благополучной жизни в этом суровом мире.

И действительно, они росли здоровыми и жизнерадостными, и Дада старался изо всех сил, чтобы обеспечить их получше.

Но однажды... Однажды всё закончилось. Когда Дада вернулся из очередного похода, родного поселения он не нашёл. Никто радостно не встречал корабль. Не было видно привыч-

ных глазу теплиц и укрытий для животных, не было видно домов. Только безжизненная равнина простиралась во все стороны, куда ни бросишь взгляд. Планета обрела свой первозданный вид, как будто не было десятилетий упорного труда. Только оплавленные камни были вокруг. Даже само место, где находилось поселение, Дада узнал с трудом. И, сколько ни искал, не нашёл ни одной живой души. Живых здесь больше не было. Не было друзей, не было больше родных. У Дады больше не было любимой и больше не было детей.

Так неверные отплатили поселенцам за то, что те многие годы прививали им любовь к Богу, за тот свет истины, который им несли.

Горе Дады и его товарищей было больше жизни. И жизнь теперь потеряла смысл. Осталась одна только месть!.. О, как теперь дорога была им месть! Они поклялись карать неверных до тех пор, пока у них есть хоть какие-то силы, до тех пор, пока они живы. Теперь неверным предстояло узнать не благодать Божью, а его гнев!

С тех пор захваченным и уничтоженным кораблям не было числа. Дад Зогга никого больше не стремился обратить в свою веру. Он просто мстил, и мстил беспощадно! Неверные пытались защищаться. Иногда им это удавалось. И пришло время, когда Дада остался совсем один. Его друзья и единоверцы отдали свой долг сполна, и Господь, наконец, призвал их к себе. А Дада остался.

Долго он думал, для чего Бог оставил его одного. Ведь он наравне с другими держал свою клятву. Теперь слава о нём и о его подвигах шла по всей Вселенной. Но Господь оставил его. Или у Дады на этом свете было ещё какое-то дело? Или Господь просто отвернулся от него? Может быть, Дада сделал что-то не так и навлек на себя гнев Всевышнего?

Со временем Дад Зогга всё чаще стал задумываться над тем, кто он такой, откуда он взялся, откуда появились его родители и то одинокое поселение, которое он всегда считал центром Вселенной и своей Родиной. Теперь он уже не просто карал неверных, он пытался сначала что-то узнать, расширить свои представления об устройстве мира и выяснить историю своего народа. Он собирал информацию по крупицам, и однажды она сложилась в цельную картину. Теперь Дада знал, кто он и откуда.

Давным-давно люди обнаружили планету, которая позже стала родиной Дады. На планете нашли что-то полезное, и решено было заняться её освоением и заселением. Но когда первые колонисты освоились в новом для себя мире, выяснилось, что, во-первых, на планете совсем не такие благоприятные для людей условия, а во-вторых, что на ней не так уж много полезного. Однако деньги были уже потрачены, проект уже запущен, и от колонистов утаили истинное положение дел. И они честно делали своё дело, пока ресурсы планеты не стали подходить к концу. Но колонистам и тут ничего не сказали. Слишком накладно было вывозить целую колонию обратно на Землю, слишком хлопотно было искать новое место для такого количества людей.

Поставки продуктов и необходимых материалов делались всё более редкими и более скудными. Всё объясняли какими-то временными трудностями. Колонисты честно трудились и брали у планеты последнее, что она могла дать. Затянули потуже пояса и ждали, когда трудности пройдут, и они заживут полной жизнью.

В это время выяснилось, что условия на планете таковы, что вызывают у людей сильные мутации. Когда у колонистов появились первые дети, стало ясно, что планету надо в срочном порядке покидать. Они запросили эвакуацию и им ответили, что вскоре за ними приедут. Но время шло, а никакой эвакуации не было. Они обратились за помощью снова, и им обещали помочь. Время шло, но ничего не происходило. Потом прекратилось снабжение. А потом им и вовсе перестали отвечать. Их бросили.

Дад Зогга был представителем третьего поколения переселенцев. К этому времени для того, чтобы выжить, поселенцам пришлось сильно изменить свои представления о добре и зле

и свою мораль. Один Бог знает, чего им это стоило. И только одному своему Богу они теперь истово молились. Молились и боролись за свою жизнь как могли... А потом неверные уничтожили колонию.

Прошло немало времени, прежде чем огонь мщения стал утихать в душе Дады, прежде чем его душа перестала кипеть и клокотать и превратилась в кусок застывшей лавы, навсегда приняв новые причудливые очертания. Теперь Дада знал, что мир устроен не так, как он это себе представлял раньше. И теперь он один служил своему Богу в этом мире. А неверных в нём было столько, что, если бы даже они покорно выстроились в очередь к Даде на заклатие, он всё равно не смог бы их всех убить. Даже если бы делал это всю оставшуюся жизнь. И перед Дадой встал вопрос: что дальше?

Долго, очень долго без цели болтался он в космосе на своём корабле. Бесконечными часами смотрел он на одни и те же звёзды. Смотрел и думал, пытаясь постичь смысл произошедшего, смысл своей жизни и бытия вообще. Наконец Дада принял решение: он отправится на Землю Обетованную, увидит собственными глазами свою прародину и, может быть, найдёт там ответы на свои вопросы.

Глава 4

Потихонечку Дада стал перебираться поближе к центру, поближе к оживлённым транспортным путям. Это было опасно. Подвиги Дады гремели на весь мир, и неверные, конечно, знали, как он выглядит. А Дад Зогга имел такой вид, которого не спрячешь!

По рассказам своих жертв он знал, что на пути к Земле Обетованной у него будет несколько серьёзных препятствий. И первым среди них будет так называемый карантин – зона, где проверяется каждый корабль. Как миновать карантин, Дада пока не знал. Он понимал только, что когда он покинет свою окраину, ему надо будет вести себя тихо-тихо, чтобы на карантине ему не устроили торжественную встречу. Он, конечно, готов достойно принять всё, что пошлёт ему Господь, но обидно было бы закончить своё путешествие так скоро. Поэтому Дада долго дрейфовал в пространстве, ожидая подходящую для себя цель. И наконец дождался!

Это были туристы! Что их сюда занесло – одному Богу известно. А может, Господь специально направил их к Даде, как знать?.. Туристы возвращались на Землю. Наивные, глупые туристы! Они забрались сюда, чтобы получить новые впечатления и, может быть, какие-то острые ощущения. Они хотели, возвратясь, рассказывать о том, что были в местах, где не ступала нога человека, где годами не бывает кораблей, где Солнце выглядит, как бледная звезда! Они хотели, чтобы ими восхищались, чтобы смотрели на них, как на героев, чтобы им завидовали. И чтобы потом о них все знали и все говорили... Им хотелось славы! А вместо этого они встретили Даду Зогга. И сейчас они получают много новых острых ощущений!

А они ведь наверняка обсуждали, что будут делать, если встретятся с пиратами. И, наверное, представляли себе, как они победят пиратов, и слава их будет ещё больше! А Дад Зогга не был пиратом! Он был верным слугой Господа, который вёл его по жизни и свёл теперь с этими туристами. А значит, такова была воля Господа, и такова была их судьба!

Дад Зогга применил испытанный метод: он притворился терпящим бедствие. Бросив свой корабль, он перебрался в старенький, битый-перебитый катер и отправился наперерез туристам. Те, казалось, даже обрадовались, когда узнали, что кто-то терпит бедствие. Они собственноручно пристыковали катер к своему кораблю и полным составом вышли встречать Даду.

Дада выбрался из шлюза и мрачно оглядел всю компанию. Здесь было три пары. Три щуплых, несостоявшихся самца, которые пытались изобразить на своих лицах мужественность и брутальность. И три тщедушные самочки. Дада хорошо знал, что уже через несколько секунд поддельная мужественность самцов исчезнет, уступив место настоящему содержимому их жалких душ. И тогда их лица будут выражать готовность продать всех вокруг за свою убогую жизнь... Этот момент Дада особенно любил. Любил смотреть, как искусственное и напускное сменяется настоящим, любил смотреть, как меняется выражение лиц. Он с интересом ждал: каким будет настоящее на этот раз?.. А когда настанет момент истины, когда все станут такими, какие они есть на самом деле, когда они будут готовы, тогда Дада отправит их к Господу, чтобы тот учинил над ними свой праведный суд... Дада не думал о том, что эти люди по первому его зову пришли ему на помощь.

Он ещё раз окинул взглядом всю компанию. Ни у кого из них даже не было оружия. Сама наивность!

– Чем мы можем вам помочь? – неуверенно спросил самый крупный и самый бородатый самец, вглядываясь в страшное лицо Дады.

– Мне – уже ничем, – ответил Дада. – А вот себе ещё можете. На колени!

Голос его шёл откуда-то из глубины огромного тела, был утробным, булькающим и невнятным. Но все поняли то, что он сказал.

– Что?.. Что случилось, что вы говорите? – задрожавшим голосом проблеял всё тот же бородач.

Остальные округлившимися глазами смотрели на Даду.

– На колени! – проревел Дада. – Вас ждёт встреча с Господом. Будьте её достойны! Смиритесь и покайтесь. На колени!

Стоявшие перед ним люди отшатнулись, а потом, не отводя от него глаз, как под гипнозом опустились на колени. Теперь на их лицах был страх, хотя они ещё толком не понимали, что происходит.

Если бы они все вшестером сейчас набросились на Даду, то, может быть, им и удалось бы его одолеть. Но страх отнял у них волю и силы. Каждый из них теперь думал только о себе, был только за себя и боялся только за себя. И забыл, что товарищам нужна поддержка и помощь, и не чувствовал поддержки с их стороны. Теперь все они были похожи на стадо блеющих овец.

Дада не любил себя вести как буйный психопат, не любил что-то орать страшным голосом. Но он по опыту знал, что, если не убедить людей словом, то их придётся убеждать делом, а это более хлопотное занятие. Это требует больше сил и гораздо больше неоправданной жестокости. Поэтому Дада всегда ревел и буянил при первой встрече так, как этого требовали правила жанра. Зато он знал, что потом его подопечные будут слушаться, и от него не потребуется лишнего рукоприкладства.

Дада прошёл вдоль ряда стоящих на коленях людей. Чем они ему могут быть полезны? Какая информация ему нужна, что он может получить от них перед тем, как отправит их к Господу? Долго думать нельзя. Когда пройдёт первый страх, кому-нибудь может ползть в голову всякая ерунда. Кого-то, может быть, даже потянет на геройство. И тогда у Дады будет много работы. Лишней работы. И Дада начал свой допрос с пристрастием, покрикивая на своих пленников и не давая им опомниться.

Через несколько минут он уже знал, что туристы – совершенно бесполезные люди. Шли они по какому-то кривому маршруту, который Даде был абсолютно неинтересен. А о том, что было по-настоящему важным, они имели лишь очень смутное представление. Про карантин они не смогли рассказать ровным счётом ничего нового. Раздосадованный Дада хотел было тут же совершить свой зловещий ритуал и бросить всех шестерых к ногам своего Бога, но вспомнил об осторожности. Он подумал, что кто-то может попробовать связаться с ними. Какие-нибудь их знакомые или родственники. И, если туристы не выйдут на связь, родные могут поднять тревогу. И Дада понял, что теперь из осторожности ему придётся сохранить туристам жизнь. До поры. Единственное, чем были по-настоящему полезны туристы, так это своим кораблём. Это был зарегистрированный корабль, с собственными позывными и опознавательными знаками, и на нём Дада без страха мог двигаться к Земле. Корабль Дады для этого не годился, потому что никаких позывных не имел вовсе. Он сразу бы привлёк внимание, и Даду бы обнаружили. Но даже корабль туристов не мог помочь Даде миновать карантин. Ведь там любой корабль, в том числе и зарегистрированный, будут тщательно досматривать. И Дада вряд ли сможет где-то спрятаться.

О том, как решить эту проблему, ему предстояло хорошенько подумать...

Корабль у туристов был небольшой. Дада изрядно намучился в поисках надёжного места для своих пленников. Не найдя ничего подходящего, он усадил их всех на пол прямо на мостике и накрепко связал, развернув спиной друг к другу. Один пытался изобразить из себя переговорщика, обратился к Даде и стал его в чём-то убеждать. Дада тут же пресёк эту попытку, хлопнув заговорившего по лицу своей тяжёлой короткой рукой. Так же он поступил с женщиной, у которой началась истерика. После оплеухи женщина ненадолго потеряла сознание, а когда пришла в себя, истерики как не бывало.

Закончив увязывать пленных, Дада уселся рядом с ними в кресло пилота. Теперь надо было перекусить. Дада давно уже не ел никакой свежей пищи, и он стал с интересом разгля-

дывать туристов. Он думал, как бы ему без урона для безопасности отрезать у кого-нибудь руку или ногу. Самки поняли его взгляд по-своему, сжались и покраснели, представляя, что он может с ними сделать.

Дада решил, что пленников пока лучше не трогать, и отправился на камбуз в поисках еды. Оказалось, не зря. Не зря на этом маленьком корабле было столько женщин. Дада нашёл много вкусной пищи и много такого, чего он в жизни никогда не ел, и даже не знал, как это называется. Он нашёл даже свежеиспечённый пирог с неизвестными ему ягодами. Пирог был, видимо, рассчитан на всех шестерых членов команды, но Дада съел его один и пожалел, что он такой маленький.

Подкрепившись, Дада вернулся на мостик. Он осмотрел своих пленников и проверил, надёжно ли они связаны. Руки у каждого были скручены за спиной и уже посинели и затекли, но это Даду не волновало. Наоборот, если руки затекли, значит они онемели, значит ими уже ничего нельзя сделать. Ничего такого, что могло бы помешать Даде. И он опять уселся в кресло пилота и стал изучать карты с проложенным маршрутом.

Через некоторое время Дада взялся за управление, подкорректировал маршрут и внёс изменения в программу движения. Теперь корабль без лишних зигзагов следовал к Земле.

Дада стал думать о том, как быть с карантинном. В это время один из туристов попросился в туалет. Быть для своих пленников нянькой Дада не собирался, и оставил просьбу без внимания. Однако вскоре к первому присоединился другой. Тогда Дада поднялся с кресла, подошёл к одному из них и хлопнул его рукой по макушке. Тот обмяк, голова его безвольно свесилась вниз, а по полу стала растекаться горячая лужа. Женщины запищали, сидящие рядом брезгливо пытались отодвинуться. Но Дада крепко связал их вместе, и никуда отодвинуться они не могли.

Через некоторое время не выдержал второй, и лужа стала больше. А потом все они, словно сговорившись, перестали сдерживаться. Корабль наполнился неприятным запахом. Дада недовольно скривился. До сих пор ему не доводилось подолгу держать в плену людей, и он не ожидал подобных проблем.

Туристы сидели молча, низко опустив головы, и старались друг на друга не смотреть. Но потом, смирившись, наконец, со своим позором, они начали шушукаться между собой. Дада решительным окриком пресёк все разговоры. И туристам пришлось молча постигать всю безнадёжность своего положения. А ведь всего несколько часов назад они и подумать не могли, что окажутся в подобной ситуации. Они собирались съесть свой пирог, радовались жизни и не знали, что осталось им этой жизни совсем чуть-чуть...

Дада не любил зря мучить людей. Но на этот раз туристам досталось. Трое суток они сидели связанными на полу, в зловонной луже. Дада не давал им ни есть, ни пить. Первое время они ещё предпринимали попытки заговорить с Дадой, пытались у него выяснить, что ему нужно. Но на все эти попытки Дада отвечал увесистыми оплеухами. Любые разговоры, любые эмоциональные проявления Дада гасил на корню. И туристам оставалось только одно – сидеть и ждать своей смерти.

К концу второго дня самые слабые начали терять сознание. Кто-то стонал в забытьи. Но им пришлось промучиться так ещё одну ночь и ещё один день. А на четвёртые сутки Дада обнаружил другой корабль, который тоже шёл к Земле. Он двигался быстрее и догонял корабль туристов. Дада решил проверить: может быть, этот корабль подойдёт ему больше, может быть, на нём проще будет затеряться. Если нет, он всегда сможет вернуться обратно.

Дада встал и подошёл к своим пленникам. Они были уже еле живы. Пора было отправлять их к Господу! Дада отвязал самого бодрого и поволок к шлюзу. Там он со словами священной молитвы вытолкнул туриста в открытый космос. Через иллюминатор посмотрел, как человек дёргается, медленно отдаляясь от корабля, а потом замирает. Дада произнёс: «Во имя Господа!» – и пошёл за другим. Так он по очереди убил их всех. Теперь, когда пустой корабль

подойдёт к карантину, у инспекторов будет много вопросов, и это лишний раз отвлечёт их внимание от Дады.

Дада осмотрелся: не оставил ли он каких-нибудь следов, не забыл ли он погрузить в свой катер что-нибудь нужное? Когда он убедился, что ничего не забыл и сделал всё как надо, то забрался в катер сам и отвалил от борта. Он гадал, что встретит на другом корабле и поможет ли это ему добраться до Земли.

Вид корабля удивил Даду. Если бы не позывные, вообще невозможно было бы догадаться, что это космическое судно. Не было это похоже и на астероид. Это вообще ни на что не было похоже. Какое-то серое аморфное тело неопределённой формы, непонятно из чего сделанное. Да ещё форма его была зыбкой, неустойчивой, «плыла» и менялась, как будто корабль не был твёрдым. Никаких обычных признаков, никаких приборов и механизмов, никаких ходовых огней не было и в помине.

Дада был озадачен. Прежде ничего похожего он не видел. Некоторое время он кружил вокруг этого странного образования. Пытался вызвать по связи его обитателей, но ответа не получил. Потом обнаружил двигатели, которые исправно подрабатывали, корректируя курс. Корабль был «живой» и целенаправленно двигался к своей цели. А потом перед катером Дады прямо в аморфной массе корабля образовался стыковочный порт. Как будто кто-то невидимой рукой слепил его специально для Дады. И Дада принял вызов. Он завёл катер в порт, выключил двигатели, после чего открыл шлюз и перешёл в него. Шлюз послушно сработал и с привычным шипением проглотил Даду.

Глава 5

Я вздрогнул. Судороги опять прошли по моему телу, но вскоре прекратились. Во рту было сухо и стоял противный привкус рвоты. Губы слиплись. Я попробовал открыть глаза, но едва смог раздвинуть веки. Через эту щёлочку я увидел над собой неясный силуэт. По моему лицу провели чем-то влажным, я смог пошире открыть глаза и разлепил губы. Через них ко мне в рот беспрепятственно полилась вода и устремилась прямо в лёгкие. Я забулькал, стал кашлять и судорожно попытался подняться. Стоявший надо мной человек выругался и поспешно перевернул меня лицом вниз. Я смог прокашляться, исторг из себя всю воду, и, наконец-то, сделал глубокий вдох.

– Не хватало, чтобы ты после этого захлебнулся здесь, – произнёс человек сверху.

Я лежал лицом вниз и тяжело дышал. Из приоткрытого рта у меня стекали остатки воды и висели слюни. Из носа тоже капало, я чувствовал острый запах рвоты. Какие-то её остатки пытались выбраться наружу через нос. В глазах стояли горячие слёзы, и я ничего не видел. Было мерзко.

– На-ка, вытрись.

Мне дали влажное полотенце. Я с трудом подтянул к себе руку и провёл полотенцем по лицу. Потом вытер нос и рот. Дышать стало легче. Я приходил в себя.

– Ну да, а мне заняться-то здесь нечем, – произнесли надо мной. – Только всяких дураков из трюма доставать! Ты как там оказался?

Мне было не до объяснений, я только-только начал нормально дышать.

– Нет, ну надо же, а?! Кому рассказать – не поверят! Заяц. Настоящий заяц!

Я удивился: где заяц? Я попробовал обернуться и разглядеть его. Ожидал увидеть что-то такое белое и пушистое, с маленьким хвостиком. Вместо этого увидел Марту. Она сидела на полу рядом с моим лицом и, кажется, очень за меня переживала.

– Это обезьяна, – произнёс я, не понимая, как же можно спутать Марту с зайцем.

– Сам ты обезьяна! – ответили мне. – Тупая, безмозглая обезьяна! Вставай. И подотри там за собой. Прямо этим полотенцем и вытри.

Я попытался подняться, но в руках совсем не было сил, и я только безвольно возил ими по полу.

– Ну что ты там размазываешь?!

Меня ухватили сзади за одежду и подняли на ноги. Ноги дрожали и подгибались. Меня приставили лицом к стенке, и только держась за неё, у меня получилось стоять.

– Да не трясись ты, – произнесли сзади. – И что, я должен это всё за тобой убирать?

Придерживаясь за стенку, я обернулся.

Это был пилот. Прямо как из рекламы. С красивым и гордым точёным лицом, одет в новый, с иголки, лётный комбинезон. А в руке он брезгливо держал то самое полотенце, с которого капало.

Пилот посмотрел на полотенце, утратил гордый вид, сморщился и поспешно бросил его в мусорный контейнер. Потом достал новое, сухое, и, вздохнув, присел на корточки, чтобы вытереть пол. Передо мной открылась узкая и тесная кабина. Почти всё место в ней занимало кресло пилота с подвеской, закрытое тёмным фонарём. Я живо представил себе, что там, за стенками кабины, на тысячи и тысячи километров вокруг – одна пустота. Пустота и смерть для всего живого. Ведь там тоже нечем дышать! И никуда отсюда не выбраться, никуда уже не деться!

Приступ ужаса парализовал меня. Я судорожно пытался надышаться впрок и нервно щупал руками стенку, о которую опирался: надёжна ли она, долго ли она выдержит?

Пилот поднялся, выбросил в мусор второе полотенце и внимательно на меня посмотрел. Потом сунул руки в умывальник, достал их оттуда и со всего маху вlepил мне ладонью по щеке.

Слёзы вперемешку с искрами брызнули у меня из глаз. Было больно, и я закрыл руками лицо. За что?!

– Надо было выбросить тебя наружу вместе с твоей обезьяной, – сказал пилот. – О чём ты вообще думал? Ты хоть знаешь, куда я иду? А ты знаешь, что здесь жратвы, воды и воздуха только на одного? Теперь мы оба сдохнем! Вопрос только в том, что произойдёт раньше: мы задохнёмся, умрём с голоду или от жажды?

Он повернулся, поднял фонарь и забрался в своё кресло.

Я страшно на него обиделся. Ну и оставил бы меня в трюме, зачем тогда доставал? Чтобы бить? Может быть, это доставляет ему удовольствие? Лучше бы тогда и вправду выкинул меня в открытый космос!

Мне стало жаль себя, и я заплакал. Про свой панический ужас я забыл. А потом сквозь слёзы я попытался разглядеть, что он там делает в своём кресле. Вот бы мне там посидеть! Я знал, что из этого кресла пилот осуществляет полное управление кораблём. И ещё может там жить месяцами и чувствовать себя комфортно, может уходить в пятое измерение... А в случае аварии это кресло превращается в спасательную капсулу, в которой в автономном режиме можно просуществовать несколько дней до прибытия помощи. Даже вне корабля, в открытом космосе! Посидеть в таком кресле я мечтал всю жизнь!

Между тем пилот вызывал кого-то по связи. Связь наконец-то была установлена.

– Когда не надо, вы лезете, когда надо, вас не дождёшься! – проворчал пилот.

– Карантин четыреста девять, – сказали с той стороны. – Что у вас случилось?

– Здравствуйте. Это Гермес-карго пятнадцать ноль два. У меня для вас сюрприз.

Отправьте катер.

– Что у вас?

– Сюрприз, говорю.

– Вам что, заняться нечем? У нас здесь и без вас сюрпризов хватает! Оставьте себе свой сюрприз. Вот будете возвращаться, тогда милости просим к нам на досмотр. Но только без сюрпризов!

– Да нет, вы не поняли. У меня тут заяц!

– Что у вас?

– Заяц, говорю!

– У вас что за груз?..

– Да при чём здесь груз, у меня заяц в трюме залез, настоящий!

– У вас в грузовой декларации только технические материалы значатся. Вы там что, нелегально зоопарк перевозите?!

– Тьфу ты, да он сам залез!

– Заяц?

– Ну да, заяц!

– Ну а мы здесь при чём? Шапку из него сделайте, из своего зайца!

Услышав это, я передёрнул плечами. Мне вдруг показалось, что эти люди и вправду могут сделать из меня шапку.

– Да это у меня пассажир, какая шапка? – пытался объяснить пилот.

– Да нам-то что за дело, что у вас пассажир? Хоть два!

– Каких два, у меня кабина одноместная, мы и с этим-то чуть не на головах друг у друга сидим!

– С зайцем?

– Да с каким зайцем, с пассажиром!

– А заяц где?

Пилот тяжело вздохнул и провёл ладонью по лицу. Видно было, что он с большим трудом сдерживается, чтобы не обругать своего собеседника.

Возникла пауза.

– Карантин, приём! – наконец проговорил пилот. – У меня на борту нелегальный пассажир, ребёнок, который зайцем проник ко мне в трюм и чуть не погиб там. Пришлите, пожалуйста, катер, заберите его. У меня места совершенно нет, даже посадить его некуда. Да и куда я его повезу?..

– У вас на борту ребёнок?!

– Да, да! Я его только недавно из трюма извлёк. Не знаю, как он туда забрался, чуть не погиб там! Был без сознания. Сейчас вроде пришёл в себя.

– Так что же вы сразу об этом не сказали?! Ждите, мы отправим к вам катер!

– Слава богу, – сказал пилот, отключая связь. – Тупые дебилы!

Он выглянул из своего кресла и посмотрел на меня.

– Жди, скоро за тобой приедут.

Ждать пришлось очень долго. Я не знал, куда пристроиться в тесной кабине. Пилот мне своё кресло не предлагал, и я опустился прямо на пол там же, где стоял. Опять увидел Марту и посадил её на привычное место, к себе на спину, а потом прикрыл курткой.

Пилот больше из своего кресла не выглядывал и больше мне ничего не говорил. Пару раз я пытался к нему обратиться, но он не реагировал.

Прошло много времени, прежде чем появился катер. Я перешёл на него. У шлюза попытался попрощаться со своим спасителем, но тот даже на меня не посмотрел. Просто сдал с рук на руки как досадную помеху и ушёл. Я смотрел через иллюминатор, как грузовик отдаляется, становится всё меньше и, наконец, совсем исчезает среди звёзд. Куда он держит путь? И сколько ещё недель, а может, и месяцев он будет в полном одиночестве двигаться через абсолютно пустое пространство, пока наконец не достигнет своей цели?.. По моей спине пробежал холодок. Романтика – это, конечно, да! Но какая же это жуть, если подумать! Всё-таки человек – совершенно сумасшедшее существо, если делает такие вещи. Добровольно отправляет себя туда, где на миллионы километров вокруг – только ледяная пустота, где не будет даже надежды на спасение, если что...

Потом я стал смотреть вперёд и, вздыхая, думал о том, что меня ждёт. С унынием я ожидал минуты своего позора. Наконец я рассмотрел среди звёзд станцию. Она неотвратимо приближалась...

Глава 6

Раньше станции, которые работали в зоне карантина, были не такие большие. У них не было портов для стыковки с кораблями, причалить можно было только на катере. Не было грузового терминала. Опасные или «грязные» грузы просто разворачивали обратно. Помещения для персонала были маленькими, коридоры и переходы узкими. И сотрудников было-то всего с десяток. В задачи станции входило только выявление кораблей, которые могут представлять для Земли опасность. Ну и какой именно тип опасности: радиационная, химическая, бактериологическая или какая-то другая. А дальше всю информацию передавали военным, и они уже решали, что делать с таким кораблём. Бывали случаи, когда «опасный» корабль без лишних разговоров уничтожали.

Как я и ожидал, на станции мне устроили «торжественную» встречу. Однако позора никакого не было. Я почувствовал, скорее, интерес к своей персоне. На «зайца» вышли посмотреть все без исключения, даже те, у кого было дежурство. Все бросили свои занятия и столпились у шлюза. Мной, на счастье, овладела апатия, я был какой-то оглушённый. Мне было всё равно, кто и как меня встретит. После того, как я чуть не погиб, я хорошо понимал, что затея моя была дурацкая, и что ни сейчас, ни потом мне гордиться будет нечем. Трясти меня уже перестало, но страх, который мне пришлось пережить в тёмном трюме корабля, был всё ещё сильнее текущих впечатлений. Он ещё не прошёл, я ещё не переварил, не пережил его.

Вокруг раздались восклицания:

– Вот он, наш герой!.. Что же ты наделал, а?! Ну ты, парень, даёшь!.. Смотрите, настоящий заяц!.. Хорошо, что не погиб, дурачок... Сколько здесь работаю, а такое – впервые!.. Bravo, аплодисменты! – кто-то хлопал.

Одни пытались поднять меня на смех, другие усюветить. Но все смотрели с нескрываемым интересом. Начальник станции прервал галдёж и велел врачу осмотреть меня, а всем остальным заняться своими делами. Меня отвели в медпункт. Врач осмотрел меня и нашёл, что со мной всё в порядке, после чего сдал обратно начальнику. Тот задумчиво спросил:

– Ну и что мне с тобой делать, а?

Я молча пожал плечами.

– Ну что же, давай для начала познакомимся. Как тебя зовут, откуда ты?

Я ему рассказал, кто я и откуда. Когда он узнал, что я Саша, а отчество моё Александрович, то почему-то очень обрадовался.

– Ну надо же! – сказал он. – Какое совпадение! У нас на станции уже есть один Сан Саныч. Теперь будет два! Что же, теперь я знаю, куда тебя определить. Наш Сан Саныч – старший инспектор, руководит проверкой проходящих кораблей. А меня зовут Аркадий Павлович, я являюсь начальником этой станции. Надеюсь, ты понимаешь, что сделал большую глупость, что ты чуть не погиб?

Я согласно кивнул и опустил голову.

– Тебе сильно повезло, что ты жив и оказался сейчас здесь, у нас. Мы сообщим об этом твоим родителям и в ближайшее время отправим обратно.

Я опустил голову ещё ниже.

– Да-а, и как же это пришло тебе в голову?

Аркадий Павлович пристально посмотрел на меня. Я молчал. Тогда он сказал:

– Ну ничего, не переживай, всё будет хорошо. Ты здесь, а значит уже всё хорошо. И ты, конечно, больше никогда так делать не будешь, верно?

Я кивнул. Я был ему признателен за то, что он отнёсся ко мне с пониманием и даже как-то по-отечески, за то, что не ругал, не кричал и не допрашивал, за то, что, видимо, понял, какое испытание мне пришлось пережить и догадался, что на этот побег я пошёл неспроста.

– Ну пойдём, я тебя познакомлю с твоим тёзкой, – сказал он. – Будешь пока под его началом. Без его разрешения – ни шагу. А если что-то будет надо, чур обо всём его спрашивать! Но, если потребуется, можешь подходить к любому из нас, мы все тебе поможем. На станции работают очень хорошие люди. Не смотри, что они тебя так встретили, их можно понять. Даже на моей памяти такое впервые! А если будет что-нибудь не так или к тебе будут сильно приставать с расспросами, скажи мне, я быстро решу все проблемы.

Он отвёл меня к старшему инспектору.

Когда Сан Саныч увидел меня вместе с начальником станции, он сразу всё понял. И нельзя сказать, чтобы сильно обрадовался.

– Сан Саныч, познакомься, – сказал начальник станции. – Это тоже Саша, и тоже Александрович. Понимаешь? Я сразу понял, что это твоя судьба. Вот, Саша, это наш старший инспектор, твой тёзка. Очень хороший человек.

Очень хороший человек раздражённо засопел:

– Да, давайте здесь детский сад откроем!

– Разговоры отставить, пополнение принять! – сказал Аркадий Павлович. – Никто из нас не ожидал такого сюрприза, ничего не поделаешь. А если какие-то трудности возникнут, сразу мне обо всём сообщать.

Начальник станции ушёл.

Сан Саныч сидел перед огромным монитором и вид имел недовольный. Он был очень крупным человеком, высоким и толстым, и с трудом умещался в своём кресле. Он повернулся ко мне, и кресло жалобно скрипнуло.

– Ну расскажи, что же тебя сюда занесло? – спросил Сан Саныч. – Какими, так сказать, ветрами?

– Никакими не ветрами, – сказал я.

– Что, романтики захотелось, да?

– Нет, – ответил я коротко.

– А что же тогда? Сдуру ты туда залез, что ли?

Я молчал.

– Да знаю я всё, – махнул он рукой. – С этой романтикой некоторые на такие подвиги готовы идти – только держи их, чтобы головы свои не сложили на ровном месте. Много к нам на работу таких романтиков попадает. А потом поработают три-четыре года, встречаешь их, и никакой романтики в помине нет. Вместо романтики какой-то цинизм чувствуется. И идут такие ребята во взрослую жизнь с совсем уже не романтическими представлениями, а ведь это тоже не соответствует действительности! Потому что не всё в жизни делается для своей выгоды, своих интересов. И романтика всё-таки тоже есть. Только она там, за внешностью, иногда неприглядной, за формальностями, которые необходимо соблюдать, за правилами, от выполнения которых зависит безопасность, благополучие и даже жизнь окружающих людей. И вот когда научишься выполнять эти необходимые для жизни правила, когда наберёшься терпения для соблюдения всех формальностей, тогда, возможно, подхватит тебя вторая волна романтики. Поднимет над суетой, и откроются твоему взгляду новые горизонты... Если ты только сохранишь её в своей душе, а не вытравишь всю, до последней капли и не превратишься в циника, который заботится только о себе. Но для начала нужно научиться соблюдать эти правила, понял?

Я кивнул, потому что понял, что старший инспектор будет сейчас учить меня жизни.

– Ну-ну, – сказал Сан Саныч многозначительно и отвернулся к монитору.

Видимо, не найдя там ничего интересного, он под скрип кресла опять повернулся ко мне и стал говорить дальше:

– А у меня через два дня вахта заканчивается. Да и слава богу! Станция скоро уйдёт в тень, кораблей больше не будет. Ох и скучно здесь станет! Надо бы тебя здесь оставить на это время, чтобы ты своей романтики сполна накушался!

Старший инспектор опять повернулся к монитору, окинул его взглядом, а потом вяло потянулся. Кресло мучительно застонало.

– Эх, представляю, вернусь домой, а там всё зелёное! И травка такая зелёная и нежная. И пахнет! Ах, как всё это непередаваемо пахнет! Ты этого ещё не знаешь! Вот посиди здесь полгода!.. И деревья зелёные, и ветки качаются на ветру...

Видно было, что Сан Саныч соскучился по ветру и по всей этой зелени.

– Эх, понюхать бы сейчас одуванчик!.. – Сан Саныч глубоко вздохнул, а потом провёл пальцем под носом, будто вытирал жёлтую пыльцу.

– А потом встать рано-рано утром, взять удочку и пойти на речку! И сидеть там с закрытыми глазами. Опереться спиной о ствол ивы. Вокруг тишина!..

Старший инспектор закрыл глаза.

– Сидеть и впитывать в себя природу. Утренний туман, запах болота, шорох камыша. Впитывать кожей, ушами, носом. Растворяться в этом... Эх!

Сан Саныч открыл глаза.

– А потом вернусь домой, – сказал он, – а там – моя драгоценная! Она, конечно, испечёт пироги. У меня от них изжога, но ничего не поделаешь, надо будет съесть, чтобы не обидеть... Она когда-то была стройной, высокой, а теперь сильно расплнела. От пирогов, что ли? Но я хорошо помню, какой она была. Когда я здесь её вспоминаю, представляю её такой, как в молодости. А когда возвращаюсь домой...

Я покосился на старшего инспектора. Кажется, он совсем не думал о том, как выглядит сам. Наверное, в молодости он тоже был постройнее.

– А потом, как обычно, надо будет съездить к родителям и к сестре, – продолжал Сан Саныч. – Племянникам какие-нибудь игрушки привезти. А родителям... Каждый раз думаю: чего бы им такое подарить? Каждый раз что-то покупаю, каждый раз они радуются и благодарят. И каждый раз у меня остаётся чувство, что привёз что-то не то, а радуются и благодарят они только из вежливости.

Они у меня уже старенькие. По их представлениям я – герой космоса! – Сан Саныч усмехнулся. – Космонавт, твою мать! Так было в их молодости. А сейчас времена изменились. Они не знают, что теперь это самая заурядная профессия. Таких, как я «космонавтов» – каждый третий. И платят всё хуже, и работа нудная и однообразная, и нет никаких перспектив! И каждый день одно и то же, одно и то же!.. Смотришь в этот... монитор, и каждый день там ничего не происходит! И хоть как себя называй: хоть героем космоса, хоть космонавтом, ничего не меняется. По сути, ты – дежурный. Вахтёр. Вахтёр космоса. Следишь за эдакой огромной проходной, чтобы все вели себя прилично и без пропуска никто не лез. А называют всё это громкими словами для того, чтобы платить потом поменьше. А зачем платить, если уже почести воздали? Почёт – это тоже плата...

Старший инспектор шумно и долго вздохнул.

– Ничего, скоро приеду домой. А там всё пойдёт своим чередом. На всё времени опять не хватит! Супруга будет просить что-то сделать по дому, починить и то, и это. Начнёт ворчать...

Сан Саныч заёрзал в своём кресле, отчего оно жалобно запело.

– Эх, а могло бы быть всё как-нибудь иначе... Как? Теперь уже и не знаешь. А жизнь сложилась вот так. Да неплохо, в общем. Мне даже завидуют, представляешь?! Многие мои друзья детства и бывшие одноклассники хотели бы оказаться на моём месте. Дело в другом: жизнь уже сложилась, и уже ничего не изменишь. Так теперь будет всегда, до самого конца, и не будет уже ничего нового. Слишком много связывает. Везде устоявшиеся отношения. Как

пути. Их не разорвать. Для этого пришлось бы прожить ещё одну жизнь... Нет, лучше об этом не думать! Ещё пару дней, и отправлюсь домой. А там ветер, облака...

Наверное, Сан Саныч мог говорить ещё долго. Признаться, мне стало его немного жаль. Какой-то безысходностью веяло от его слов. Но монолог его был прерван монитором. Что-то там замигало, запищало, и Сан Саныч на время забыл о своей состоявшейся жизни, совершая над монитором стремительные и замысловатые манипуляции.

Через некоторое время он повернулся ко мне и удивлённо сообщил:

– Надо же, к нам снова гости! Интересно, кого это чёрт несёт? Или ты там не один такой был, и за тобой последовали твои друзья? Появится сейчас какой-нибудь дед Мазай, а у него там полный трюм зайцев!

Я отрицательно завертел головой и с ужасом подумал, что это за мной вдогонку отправились все эти идиоты из лагеря, и скоро они будут здесь!.. Ну не все, но кто-нибудь из лагеря сразу за мной отправился, чтобы поскорее вернуть меня назад... Они каким-то образом отследили, вычислили, куда я залез и куда меня погрузили... Или отправили за мной тех огромных косгвардейцев! И они сейчас возьмут меня за воротник и с позором вышвырнут отсюда!

Вскоре связь с кораблём была установлена, и я услышал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.